

Рассказывает офицер дивизии SS *Totenkopf* по имени Karl ...

Я не планировал вступать в SS - в 5-м классе гимназии парни должны были сделать выбор, в каких войсках служить, и я выбрал Кригсмарине. Меня отправили в Гамбург и дали возможность выйти в море на подводной лодке и на тральщике. Ну, какое-то время спустя я был дома у родителей в Верхней Силезии... Я спал, когда мой отец внезапно разбудил меня со словами: «Карл! Они пришли, чтобы арестовать тебя!» Оказывается, отец увидел нескольких эсэсовцев, идущих по направлению к нашему дому, но они пришли всего лишь потому, что собирались пригласить меня для тестирования моего физического состояния!

Вообще-то, еще в гимназии у нас была начальная военная подготовка. Она продолжалась 6 недель летом и 2 недели зимой в горах, где мы бегали на лыжах. Нашими инструкторами были обстрелянные, неоднократно награжденные ветераны-фронтовики. Окончив гимназию, я прибыл в Бреслау – это было в июне 1944 г. Прошел базовую военную подготовку, затем курсы унтер-офицеров, затем обучался в офицерской школе. Все вместе это заняло 5½ месяцев. На раннем этапе войны подготовка офицера SS занимала 2 года, позднее все значительно ускорилось... Через 2 или 3 месяца после начала обучения я побывал на фронте, чтобы пройти первичную экзаменовку (Zwischen-Prüfung) – тест, в ходе которого я должен был показать полученные знания и навыки. Обычно тестирование продолжалось 6 недель, но я провел на фронте только три. Далее я проходил подготовку офицера-танкиста в городе Posen-Treskow и в итоге получил офицерские погоны...

В танковой школе в Позене мы учились водить «Тигры». Нашим инструктором был гауптштурмфюрер, потерявший руку на фронте и имевший на рукаве нашивку за 5 уничтоженных вражеских танков. Мы звали его «однорукий бандит». Вообще, многие инструкторы были инвалидами, но они были классными преподавателями. У нашего был металлический знак на палке, которой он подавал сигналы машинам, двигавшимся в колонне. И вот этим металлическим знаком он колотил нас по ногам, когда мы вели танк. Например: «Поворачивай!» - и шмяк тебя по ноге. Подлый был мужик! Помню, был там мост через болото, по ширине танк мог только-только вписаться в него. Ну, подъезжаем к мосту, собираюсь потянуть рычаг, чтобы повернуть влево и въехать на мост, а этот бандит как шарахнет меня по коленям этим самым металлическим знаком. Орет: «Поворачивай вправо!» Я не повернул - он меня еще раз: «Поворачивай вправо, это приказ!» Что делать, потянул правый рычаг, танк въехал в трясины и начал быстро погружаться... Мы, курсанты, выскочили из машины, а этот однорукий черт не сумел. Никто его не любил, стоим и думаем: «Может, дать ему утонуть вместе с танком?» Однако, я спустил в люк мой ремень, и он за него уцепился. Я схватился рукой за корень или что-то еще и выволок инструктора из танка. Мы потащились в лагерь, покрытые зеленой тиной с ног до головы, но шли за ним, чтобы его увидели первым во всем

этом дерьме. Позднее он не сказал ни единого слова о происшествии, поскольку во всем был виноват именно он. Ну а танк пришлось вытаскивать с помощью большого крана...

Был у нас еще один инструктор – здоровенный крепкий парень без боевых наград. Какая-то «лапа», с помощью которой он избежал фронта, у него была: любой офицер-инструктор должен был иметь, по меньшей мере, Железный Крест 2-го класса. Большинство преподавателей были инвалидами с боевыми наградами. Этот парень был инструктором о дзюдо и *Polizeigriffe* (полицейскому задержанию).

В конце 1944-го я отправился на Восточный фронт, чтобы влиться в ряды дивизии *Totenkopf* (*Мертвая Голова* – эмблема на фото слева). Название дивизии происходило от нашей эмблемы, в прошлом традиционной для германской кавалерии.

На фронте у нас было что-то вроде лавочки - *Marketenderwäre*, в которой можно было что-то купить. В тыловых лагерях товары покупались в столовой (*Kantine*), на фронте – в *Feldkantine* – которая могла находиться в каком-нибудь здании, палатке или даже в кузове грузовика. Когда-то солдатам давали специальные талоны на получение чего-то, но на позднем этапе войны это прекратилось. Вместо талонов, когда вы получали мыло или сапожный крем, вам просто ставили специальный штамп в солдатскую книжку (*Soldbuch*).

Можно было купить сигареты и спиртное, ваксу, мыло, туалетную бумагу (*Scheißpapier*), зубную пасту, бумагу для письма, карандаши и т.д. Сигареты и выпивка были самыми важными предметами. На товарах, продаваемых солдатам, стоял штамп "Steuerbegünstigt", что означало следующее: налог с продаж не выплачивался, потому что предназначался солдатам. Что-то из продаваемого в *Marketenderwäre* просто реквизировалось на месте. Даже в последний день войны можно было получить товары в *Marketenderwäre*, даже через несколько дней после окончания войны! Мы, немцы, народ организованный... Однако, часто приходилось съедать неприкосновенный запас, который можно было доставать только по приказу свыше. Вкусная еда - консервированная свинина, кроме того, ветчина, шоколад и галеты! Я бы и сейчас съел его с удовольствием.

Мы не собирали сувениры – мы были слишком заняты, ведя бои. Что-то из захваченного снаряжения русских мы использовали. Когда у наших противотанковых самоходках кончилось горючее, меня назначили командиром пехотного взвода. Мой взводный сержант стал звать меня *Untersturmführer* – видите, в *Waffen-SS* это разрешалось. Вы могли называть своего командира по званию или даже по имени. В то же время в армии вам пришлось бы говорить *Herr Leutnant*, но не в *SS*. Мы обращались друг к другу на «ты», а не на «вы». В *SS* царил дух товарищества (*Kameradschaft*)! Мой взводный сержант как-то сказал мне: «Унтерштурмфюрер, выкинь свою игрушку (*Spielzeug*). - Он имел ввиду мой автомат. – Мы дадим тебе оружие понадежнее!» И тут он передал мне русский автомат. Мы называли его "Finka", как и русские солдаты. Думаю, это название

появилось во время войны русских с финнами... Вообще, немецкий автомат был хорошо сделанным оружием, но стоило небольшому количеству песка попасть в затвор – пиши пропало! У русского автомата был слегка болтающийся затвор, который как будто был сделан деревенским кузнецом, но он отлично работал! Кто-то из наших ребят для демонстрации один раз накидал в затвор русского автомата земли, но из него все еще можно было стрелять!

Солдаты дивизии Totenkopf на Восточном фронте. Судя по всему, радоваться им нечему...

У меня были награды. Я получил *Sturmabzeichen* (Медаль за участие в определенном количестве атак ВК), потом знак за ранение – осколок от снаряда «Катюши», который до сих пор сидит во мне, и Железные Кресты 1-го и 2-го классов. Уже не помню, за что я получил Крест 2-го класса – да бог с ним – его давали даже пацанам из Гитлерюгенда, которые оставались на своих постах во время воздушных налетов! Куда интереснее было то, как я получил Крест 1-го класса. В моем танке кончились снаряды. Русские к тому моменту захватили наш склад боеприпасов, и этот шатбель можно было разглядеть где-то в километре за передовой линией русских. Ну я и приказал своему водителю двигаться туда. Мы проскочили через передовую русских, загрузили в танк столько, сколько смогли, и рванули назад. Кто-то из ребят доложил об этом, и меня представили к Кресту 1-го класса. Храбростью это не назовешь... Если бы я был собственным старшим офицером, то отдал бы самого себя под суд, потому что я подверг смертельной опасности свой танк и свой экипаж...

В конце войны я попытался сдаться американцам, но, перебегая поле, засеянное свеклой, я получил ранение. Американцы подобрали меня и передали русским. После этого я долгое время провел в сталинских лагерях.

Захваченные в плен солдаты дивизии Totenkopf. Обратите внимание на возраст большинства из них...

Говорят, нас называли *Herrenmensch* (Сверхчеловеки). Да ну, этого никогда не говорили о солдатах СС! Такая кличка была у членов нацистской партии. *Herrenmensch* значит что-то вроде «расы господ», которая должна была править *Untermensch* (Недочеловеками) и Европой. Это была идеология членов нацистской партии. А само это слово нам никак не подходило. История записала нас в преступники, но мы ими не были – мы были просто солдатами...

Интервью взято с сайта

<http://www.panzergranadier.net/forum/viewtopic.php?f=6&t=11041&p=102733>

Публикуется впервые

Рассказывает голландский доброволец Jan Munk

SS-Standartenoberjunker / полк Westland / 5-я бронетанковая дивизия Wiking

В начале пути

Когда я был еще совсем мальчишкой, мы часто ездили в гости к очень хорошим друзьям моих родителей, которые жили на востоке Голландии близ германской границы. В 1935-м или 1936-м мы ездили в Германию на машине, так как

мои родители и их друзья знали ресторанчик, где мы могли вкусить прекрасное блюдо из форели.

Стоял солнечный летний день, и когда мы въехали в маленький немецкий городок, в нем проходил какой-то фестиваль. Развевались флаги со свастикой, всюду висели плакаты, гирлянды и цветы, и городок выглядел восхитительно. Я видел группы марширующих и поющих ребят из Гитлерюгенда, и они казались такими счастливыми, что я стал думать о том, как все это прекрасно, пока мой отец не сказал своему другу: «Посмотри на этих нациствующих детей. Это ужасно, они вырастут, и из них не выйдет ничего хорошего.» Я просто не мог этого понять. Моя семья всегда была настроена антинацистски, но не антинемецки. Когда мой отец произнес эти слова о молодых немецких ребятах, которые маршировали и пели в таком счастливом расположении духа, приводя меня в восторг, у меня появились пронацистские чувства. Эти чувства окрепли, поскольку я часто был в несогласии со своим отцом, что и привело меня в Waffen-SS. Я стал белой вороной в семье, но моя мать, брат и сестры продолжали писать мне письма...

Обучение

Нам нравилось большинство наших командиров – командир отделения, командир взвода, командир роты – они нам не просто нравились, мы их уважали. Если мы мокли, мерзли и были измотаны, то мы знали – то же будет и с нашими командирами. Помню только одного унтер-офицера, которого недолюбливали – это был капрал, который дурно обращался с фламандцами. Как-то в Рождественский вечер, когда он напился до потери сознания, мы завернули его в одеяло, стащили вниз по лестнице ногами вперед, бросили в одно из корыт для стирки и включили холодную воду. Вклеили ему по первое число, но его коллеги на это никак не отреагировали. После этого он вел себя гораздо пристойнее.

Обучение было сконцентрировано, в основном, на дисциплинарных моментах. Нам вдалбливали в голову, что приказам командира нужно подчиняться. Если твоим командиром был, например, всего лишь Oberschutze (по американским стандартам – рядовой 1-го класса), находящийся только на одну ступеньку выше тебя, это не имело никакого значения – он уже был твоим командиром. Тем не менее, нам никогда не приказывали делать что-либо, лишнее всякого смысла, как, например, прыжок из окна без предварительной проверки его высоты над землей и пр. Однако, нам могли приказать залечь в заполненной водой канаве или в кустах ежевики, или плюхнуться в подтаявший мокрый снег... Бывало, это превращалось в состязание воли одного человека и воли всех остальных. Это не означало, что наш дух хотели сломить, вовсе нет, это просто означало, что отданный нам приказ было необходимо выполнить. Как-то мы были на учениях посреди поля, которое было залито во время наводнения, затем замерзло, а после этого частично оттаяло – то есть, «идеальный вариант» для поиска укрытия. Сначала каждый старался не промокнуть, удерживаясь тело на весу на пальцах ног и ладонях, но по мере того, как иссякали силы, мы переходили на локти и колени. В конце концов, мы поняли, насколько бесполезным занятием является неподчинение приказу, и стали плюхаться на землю всем телом. Мы даже начали баловаться, стараясь броситься на землю поближе к

нашему унтер-офицеру и сбить его с ног. В итоге это нам удалось, и остальные унтера, которым удалось остаться сухими, от души посмеялись над ним.

Чистка и уборка были культом. Если вам говорили, что ваша комната, винтовка или униформа должны быть чистыми, это понималось совершенно буквально. Уборка обычно имела место по утрам в субботу. Начиналось с того, что все парни, ползая на четвереньках, скребли каменные полы длинных корридоров и лестницы. После того, как это было сделано (а удовлетворение требований командиров могло означать двух-трехкратное повторение уборки), мы приступали к уборке наших комнат. Мы двигали кровати и шкафы, отскребая полы и стирая пыль со всех планок и полок. Окна оттирали влажными газетами. За всем этим следовала инспекция, и от ее результатов зависело то, как мы проведем наши выходные. Инспектировали не только комнаты, но и каждого солдата, его койку, постель и содержание шкафчика. Единственное, что не проверяли, - это солдатский ранец, в котором мы держали личные вещи, бумагу для письма, фотографии, письма из дома и т.п. Вскоре я пришел к выводу, что лучше иметь всего по два: две зубные щетки, две расчески, две бритвы, два носовых платка, две пары носков. Однажды во время инспекции за ножкой шкафа была обнаружена спичка. Нам ничего не сказали, но в ту ночь около 23.00, когда мы все уже спали, нам приказали построиться с полной выкладкой и вынести одно одеяло. Когда мы построились, четверем парням приказали взять одеяло за углы, в центр положить спичку. Затем мы промаршировали около часа, после чего нам пришлось рыть яму размером 1x1x1 м, чтобы похоронить в ней спичку. На следующее утро все пошло так, как было прежде, как будто ничего не случилось.

В учебной части в городке Бад-Тёльц (Bad Tölz) мы прошли вводный курс и получили звание Standartenoberjunker. Здесь как-то разгорелся горячий спор между одним из инструкторов и нашим датским товарищем. Спор шел вокруг насильственного союза между европейскими странами и Германией. Этот спор перерос во что-то более существенное, чем просто несогласие между двумя людьми - мы все вступили в дебаты. Стало ясно, что многие «тевтонские» добровольцы отрицательно относятся к оккупации их стран Германией. Чувства разгорелись, и потребовалась жестикуляция. В тот самый вечер почти все кадеты-иностранцы пришили эмблемы в виде своих национальных флагов к левому рукаву. Обычно только некоторые из кадетов носили такие эмблемы... На следующий день никакой реакции от инструкторов или офицеров не последовало. Никто не жаловался, никто ничего не спрашивал, но через несколько дней офицер, который принял участие в споре, был переведен во фронтовую часть.

Что касается идеологической обработки, то я, разумеется, хорошо ее помню. Нам приказывали проработать определенные части книги Гитлера *Mein Kampf* и готовиться к ответам на вопросы к следующему занятию. Нам все это совсем не нравилось. Приходилось потратить немало своего свободного времени на то, к чему у нас не было особого интереса. Немалой проблемой был и языковой барьер. Для большинства из нас было бы очень тяжело объяснить то, что мы прочли в этой книге, даже на родном языке. Ну а по-немецки мы даже не знали многих обычных слов и простых выражений. Мы понимали команды, мы знали немецкие названия всех составных частей нашего оружия и

униформы, да и в городе у нас не было проблем, когда мы заказывали пива, какое-то блюдо или беседовали с кем-нибудь из местных. Но наш словарь не включал в себя какие-либо политические термины.

В учебной части мы также изучали *Weltanschauung* – философию и политику. Нашего инструктора звали Weidemann (Вайдемманн). Он также использовал *Mein Kampf*, но вникал в эту книгу значительно глубже. Опять же, это нам не очень нравилось, но благодаря этому возникали интересные моменты. В нашей комнате среди восьми кадетов был голландец из города Nijmegen по имени Frans Goedhart (Франс Гедхарт). Он уже был кадровым сержантом SS и носил золотой Германский Крест. Мы точно не знали, за что он получил этот орден. Каждый вечер, когда нам приходилось выполнять домашние задания, он находил возможность выбираться в город. Появлялся он незадолго перед отбоем, спрашивал, что задали на завтра, просматривал свои заметки и ложился спать. На другой день он всегда уверенно отвечал на все вопросы.

Наш инструктор мог назначить одного из нас на роль идеологического врага, например, коммуниста, тогда когда сам он представлял члена НСДАП, готового постоять за интересы партии и Фатерлянда. Обычно он быстро побеждал нас в идеологическом споре. Однако, как-то он сказал Гедхарту, что тот будет играть в дискуссии роль английского газетного репортера. Гедхарт уверенно победил, а Вайдемманн совершенно потерял самообладание и выглядел полным дураком.

Под Курском

Приказ выступить пришел 11 июля 1943 года. Мы отправились в путь ранним вечером, двигались всю ночь, днем спали. Каждый день мы старались выглядеть по-другому, чтобы смешать карты тем, кто мог отслеживать наши перемещения: то мы выставляли все наше вооружение напоказ, то прятали его. Один день мы носили гимнастерки, другой – кителя, третий – были в камуфляже. Мы даже меняли опознавательные знаки нашей дивизии на грузовиках. Русские партизаны, должно быть, терялись в догадках, стараясь понять, какие части были на марше...

Наконец мы прибыли на место и развернулись, разбившись на небольшие группы. Когда вы в таком боевом порядке, не имеешь и малейшего понятия о том, что происходит с такими же как ты справа или слева. Наша рота наткнулась на колонну грузовиков с солдатами Вермахта, которых, судя по всему, русские выбили с оборонительных позиций. По мере продвижения вперед мы отказались от использования грузовиков из-за артиллерийского огня противника. Мы спрыгнули на землю и пошли пешком. Дорога была проселочной, грунт был мягкий и песчанистый, что делало наш марш, особенно с тяжелым пулеметом на плечах, очень утомительным. Я уже был без сил, когда наш командир догнал меня и взял у меня пулемет, чтобы дать мне отдохнуть какое-то время. Все это время он призывал нас двигаться как можно быстрее, потому что в нас была срочная необходимость.

В конце концов мы заняли оставленные кем-то позиции, и наступила передышка. Позиции, которые мы заняли, были превосходными: траншеи и блиндажи были хорошо выкопаны и обустроены. Должно быть, русские атаквали здесь большими силами и довольно неожиданно, поскольку в блиндажах мы нашли множество нераспакованных посылок и огромное количество всякого снаряжения и припасов. Мы хорошо провели время, выбирая себе новые носки, белье и пр. Посреди это праздника жизни появился вестовой из штаба роты с таким посланием: «Мюнк и его второй номер – немедленно прибыть в штаб.» Я был вне себя, поскольку приходилось оставлять все это богатство и идти к командиру роты. Когда мы добрались до него, он приказал занять огневую позицию в траншее для обороны штаба.

Это было около 15.00. Примерно в 17.00 привели пленного, который сообщил, что русские, поддерживаемые танками, пойдут в атаку рано утром 19 июля. И он сказал правду! Вскоре стало ясно, что эта атака довольно успешна: я увидел русских пехотинцев перемещающихся справа налево прямо напротив моего окопа. У меня был *MG34* – превосходный пулемет, очень надежный и высокоточный. Мой второй номер был румыном – сыном фермера. Он неважно говорил по немецки, но его желание помогать мне было выше среднего, как и его физическая сила. Там, где любой другой второй номер нес два ящика с патронами, он нес четыре и при этом не отставал. В Германии в то время не хватало латуни, поэтому патроны для винтовок и пулеметов делали из стали, а затем лакировали, чтобы предотвратить появление ржавчины....

Итак, я был на месте. У меня был отличный пулемет, первоклассный второй номер и полно боеприпасов неважного качества. Обычно мы старались контролировать стрельбу и выпускать только короткие очереди. На этот раз, однако, количество вражеских солдат, перемещающихся напротив нас, было столь значительным, что требовалась стрельба длинными очередями. Это привело к перегреву ствола, и еще до того, как я успел поменять ствол, пулемет заклинило. Лакированный патрон застрял в раскаленном стволе... Предпринимая усилия, чтобы отладить пулемет, я забыл о том, что необходимо укрываться, и в этот момент мне показалось, что кто-то ударил меня молотком по плечу. Я не чувствовал боли, однако, к счастью, все еще мог двигать рукой.

Затем я услышал шум справа от себя и увидел, что мой второй номер спрыгнул в траншею, словно собираясь поднять еще один ящик с патронами. На самом деле, пуля попала ему в левый висок и убила его наповал. Похоже было, что выстрел был откуда-то слева. Глядя туда, я рассмотрел русских в коричневой униформе. Поскольку мой пулемет вышел из строя, я несколько раз выстрелил в ту сторону из своего пистолета, а затем побежал прочь по дну траншеи. Вскоре я наткнулся на нескольких солдат *SS*, которых я определил как штабных работников, поваров и интендантов. Они не были настоящими фронтовиками, поэтому не стоило удивляться тому, что никто из них не знал, что делать. На земле лежал командир нашей роты. Парни сказали, что его убили, но я решил взглянуть на него поближе. Пуля вошла ему в голову рядом с левым ухом. Рана выглядела смертельной, и я решил, что он и правда был мертв, но он зашевелился. Парни показали на какую-то траншею и сказали мне, что они хотели добраться по ней до штаба батальона. Я подхватил своего командира и уже собрался следовать за ними, но

тут он сумел сказать мне, чтобы я шел не за ними, а вперед, туда, где располагалась соседняя с нами противотанковая часть. Парни сказали мне, что офицер в горячке, и не обратили на его слова никакого внимания. Я и еще один голландец решили, что он говорит дело. Я положил его руку себе на плечи и тронулся в путь, но каждый раз, когда он слышал выстрел, он предпринимал попытку идти сам и наступал мне на пятки, и, в конце концов, мы свалились на землю. Мой голландский товарищ получил ранение в бедро и сам двигался еле-еле. Проще всего оказалось просто нести моего командира, перекинув его через плечо. Приятного тут было мало, поскольку мое раненое плечо начало болеть, но мы продолжали движение. Мой товарищ плелся за мной, при этом за ним на некотором расстоянии шло несколько русских, которые держали его на мушке! Они были так же перепуганы и растеряны, как и мы, и в итоге оказалось достаточным одного выстрела, чтобы вынудить их спрятаться...

В какой-то момент я остановился, чтобы перевести дух. Это позволило моему командиру открыть свой планшет и показать мне, куда мы направлялись. Я хотел верить, что он прав, хотя кроме нас троих и горстки следовавших за нами русских, не было видно вообще никого. Мы уткнулись в конец траншеи и продолжили наш путь уже по верху, пока я не увидел кучку деревьев, где, по словам командира, находилась наша противотанковая часть. Сразу за этим мы свалились в большую воронку и укрылись в ней. Я сказал голландцу, чтобы он помог мне, поскольку я окончательно выбился из сил. Теперь он нес командира, а через полчаса подъехал *Volkswagen*, чтобы подобрать нас. Меня отвезли на перевязочный пункт, рану обработали и сказали, к моему облегчению, что рана была неглубокая, и обошлось без серьезных повреждений. Здесь я столкнулся еще раз со своим взводным, который рассказал мне грустную историю: практически вся рота погибла, когда рано утром ее позиции смяли русские танки. После этого меня перевезли в госпиталь, находящийся в Днепропетровске.

Взвод из состава полка Westland, почти полностью уничтоженный в июле 1943 г. В живых остались только сам Мюнх (крайний справа в нижнем ряду) и старший унтер-офицер (в фуражке)

К 23 августа 1943 года я поправился и получил отпуск домой. Когда я прибыл домой, я увидел там посылку с Железным Крестом 2-й степени. Смутившаяся мать отдала мне мою награду вместе с сопроводительным письмом от моей роты...

На днепровском рубеже

К этому времени многие из ребят в нашем подразделении уже были чужаками, - в основном, это были румыны. Наша оборонительная линия шла вдоль Днепра. Местность была открытой, поросшей кустарником и мелколесьем с редкими рощицами. Русские предприняли несколько попыток атаковать через эту благоприятную, с их точки зрения, полосу, но каждый раз нам удавалось обить их атаки. По ночам они не могли передвигаться, не создавая шума, поэтому особых проблем у нас не было.

2 ноября 1943 года мы чувствовали, что что-то должно произойти, так как слышали, как русские распевают песни и вообще шумят. Другими словами, они выпили свой водочный рацион, который должен был прибавить им храбрости перед атакой. Само собой, в 18.00 мы получили информацию о том, что атака вот-вот начнется. На тот момент я командовал отделением и тут же отправил всех из блиндажа в окопы. Все ушли, кроме одного румына, который сказал мне, что кто-то прихватил его каску, а та, которая осталась, была ему маловата. Он хотел остаться, чтобы охранять блиндаж. Я сказал ему все, что думал по этому поводу, отдал ему свою каску и покинул блиндаж, имея на голове только кепи. Затем я присоединился к своему второму номеру, который уже был рядом с пулеметом.

Началась атака, более ожесточенная, чем обычно, но мы вновь отбили ее. Как обычно, в этот момент наша артиллерия начала обстрел, перекрывая находящимся под огнем пулеметов русским путь к отступлению. На этот раз снаряды падали совсем недалеко от нас. Я услышал, как слева от нас раздались взрывы – один поодаль от нас, другой вообще довольно близко. Третий «попал в точку». Он взорвался прямо перед нами и разнес наш пулемет. Мы на мгновение запоздали с тем, чтобы броситься на дно траншеи. Показалось, что какая-то огромная тяжесть толкнула меня вниз. Мой второй номер начал ругаться, крича, что мерзавцы оторвали ему нос. Но все было не так плохо – крошечный осколок проткнул его нос поперек, и кровь хлестала из него, как из зарезанной свиньи. Мы решили переместиться в блиндаж, чтобы я мог перевязать его.

К моему удивлению я обнаружил, что не могу двигаться. Я было подумал, что просто отсидел себе ноги, когда находился на корточках. Когда упал следующий снаряд, меня швырнуло на дно окопа так сильно, что я расцарапал себе лицо об землю. Я закричал своему товарищу, чтобы он не был олухом и успокоился. Он помог мне добраться до блиндажа, однако, уже на месте, он сказал, что даже не прикасался ко мне и, во всяком

случае, не подталкивал. Мне пришло в голову, что тут что-то не так. Я не чувствовал под собой ног, поэтому расстегнул ремень, нижние пуговицы кителя и стал ощупывать спину. Вроде, ничего необычного я не обнаружил. Я спустил брюки, исследовал ноги, но опять ничего не нашел. Я занялся перевязкой своего товарища. Затем мы выкурили по сигарете, и я почувствовал, что мне жарко – я просто обливался потом. Я снял кепи, и кровь полилась по моему лицу. Я нащупал рану на голове и понял, почему мои ноги не работают...

Через какое-то время меня перетащили вдоль траншеи на место, где она была настолько широка, чтобы в ней поместились носилки. Затем меня отнесли на сборный пункт раненых, где я остался дожидаться транспорта для отправки в тыл. Раненых там хватало... Русские вновь пошли в атаку, и все раненые, способные носить оружие, вернулись в окопы. Те, кто остался, должны были позаботиться сами о себе. Нам раздали ручные гранаты, автоматы и пожелали удачи. Мы все поняли. Чтобы отвезти нас в тыл, потребовалось бы немало людей, но взять их было неоткуда.

Русские открыли по нам огонь – мы начали отстреливаться. Они бросали в нас гранаты – мы тоже швыряли в них гранаты. К счастью, части Вермахта, поддерживаемые легкими танками, перешли в атаку. Мы не потеряли ни одного раненого, хотя некоторые, включая меня, получили новые ранения, слава Богу, довольно легкие. После этого меня перетащили в какой-то блиндаж, занимаемый солдатами Вермахта. Это был глубокий бункер с хорошо защищенным входом и очень толстым перекрытием. Внутри стояли столы и легкие стулья. Играло радио, и все выглядело почти как на пропагандистской картинке...

Во время нашей контратаки было взято в плен несколько пленных. Их использовали, как обычно, для подноса боеприпасов и для транспортировки раненых. Чтобы добраться до перевязочного пункта, нам пришлось пересечь довольно плоское открытое поле. Противник обстреливал это пространство, и после каждого разрыва пленные русские бросали носилки, на которых лежал я, и искали укрытие. Тот парень, который был со стороны головы, проявлял бóльшую заботливость и опускал носилки осторожно. К этому моменту у меня страшно разболелась голова, и то, что носилки бросали на землю, не улучшало моего состояния. Я сказал тому парню, который был со стороны ног, что если он бросит меня еще раз, я его пристрелю. Я предупредил его пару раз. После каждого предупреждения он становился осторожнее, но вскоре опять бросил носилки. В конце концов, я вытащил свой пистолет и выстрелил у него над головой. После это все пошло как по маслу.

Дух товарищества

Я прибыл в городок Эльванген (Ellwangen) из краковского госпиталя 4 июня 1944 года. Думаю, что время, которое я провел в этом городе, было самым лучшим за весь период моей службы в Waffen-SS благодаря части, в которую я попал. Я оказался в 3-й роте 5-го Учебного Запасного Батальона.

Нашего командира роты боялись все остальные офицеры. Если между ним и другим офицером что-то случилось, он ждал до субботы. Субботними вечерами мы ходили в кино. После кино он выжидал, пока рота, командир которой в чем-то досадил ему, не покинет кинозал. Мы ждали какое-то время, а затем следовали за ними. Маршируя, все роты что-то пели. В тот момент, когда мы начинали обгонять идущую перед нами роту, маршируя быстрее, чем парни из этой роты, и распевая другую песню громче, чем они, наши конкуренты сбивались с шага и начинали петь невпопад. Это означало, что их командиру достанется за подобные огрехи. В большинстве случаев такие действия предпринимались, если между командирами рот или солдатами разных рот были какие-то трения. В этом была и своя положительная сторона. Другая рота после такого происшествия начинала относиться к обучению с большим энтузиазмом, они лучше маршировали и пели, но ни одна из рот не могла побить ту, в которой служил я. Это неповторимое чувство – маршировать строем все как один, участвовать в строевой подготовке на плацу, когда все движения осуществляются настолько синхронно, что каждое из них сопровождается одним четким щелчком...

Взаимоотношения с мирным населением

В общем, когда люди говорят об SS, они имеют в виду концлагеря, жестокое убийство военнопленных и гражданских. Мы все знаем о полицейских, которые крайне плохо обращались с людьми. Мы знаем о тех, кто убивал и пытал, мы знаем об армиях, которые совершали военные преступления, но все это не значит, что каждый, кто носил военную форму, был зверем...

Ужасно то, что когда речь идет об SS, всех считают мерзавцами – и Allgemeine-SS, и Waffen-SS. Войска Waffen-SS состояли из добровольцев. Это были солдаты с минимальным уровнем политических предпочтений, тогда как в Allgemeine-SS было полно членов нацистской партии, а не солдат. Большинство тех, кто говорит об SS, в реальности имеет в виду Allgemeine. Мы, воевавшие в Waffen-SS, были просто солдатами, может быть, немного выше уровнем, чем средний солдат Вермахта, но это, вероятно, было связано с тем, что мы все были добровольцами.

Например, в Аполиновке, к северу от Днепропетровска, местное русское население лечилось у нашего голландского доктора, гауптштурмфюрера SS, совершенно бесплатно. В другой раз мы стояли близ Лозовой, и прошел слух, что нас перебросят во Францию или Италию. Через какое-то время мы получили приказ сделать деревянные сани, чтобы обеспечить себя транспортными средствами. Мы все запланировали заранее: нашему отделению было необходимо сделать четверо больших саней. Мы знали, что дед, проживавший в одном из местных хуторов, собирался строить дом для своей дочери, и, имея всего лишь топор, сумел вытесать отличный прямоугольный брус из поваленного ствола. Мы поторговались с ним и выкупили этот брус за два армейских одеяла, 20 рублей, сигареты и несколько швейных игл и кремней. У нас была пила, и в мгновение ока мы сколотили четверо саней, а остатки бруса загнали другим отделениям.

Однако, на другой день румын, который немного говорил по-русски и использовался нашей ротой в качестве переводчика, посмеиваясь над нами, сообщил, что приходила жившая с дедом бабка для разговора с командиром роты. По его словам, она жаловалась на то, что ее дед вкалывал несколько недель, чтобы вытесать брус, а теперь его забрали какие-то солдаты из нашей роты. Если бы наш унтерштурмфюрер принадлежал к тому типу офицеров SS, каким их обычно изображают, он бы просто пристрелил бабку. Вместо этого мы получили приказ явиться к командиру и объяснить свое поведение. Мы не сказали ни слова об одеялах, так это было армейское имущество, но признались во всем остальном. Командир решил, что мы можем оставить сани у себя, так как брус все равно уже распилили, но приказал отдать старикам еще 40 сигарет и 10 рублей. Вот вам и бесчеловечное обращение с местными со стороны военнослужащих Waffen-SS!

Мы часто менялись с местными продуктами в обмен на их яйца, жареную картошку и соленые огурцы. На этом уровне общение с местными разрешалось, но какие-либо сексуальные контакты с русскими женщинами были строжайше запрещены. Следовать этому приказу было несложно, поскольку я не встретил ни одной привлекательной женщины. Что касается фигуры, то мы могли только догадываться о том, что было спрятано под всем этим множеством юбок.

О русских

С нашей точки зрения русских солдат считали немного большей ценностью, чем скот, отправляемый на убой. Они шли в бой, несмотря на потери. Приведу пример:

Однажды мы стояли на краю леса. Затем мы увидели русских, которые вытаскивали из-за деревьев что-то вроде противотанкового орудия. Это не было орудие большого калибра, но стрелять из него точно было можно. Рядом с ним было человек пять русских – мы видели, как они разворачивают орудие, заряжают его и готовятся открыть огонь. Мы открыли огонь и перестреляли их. Еще одна группа вышла из-за деревьев. Без спешки, как будто это была воскресная прогулка, они подошли к орудию. Все повторилось сначала: мы и этих перестреляли. Появился еще один расчет – мы перестреляли и этих ребят, после чего они оставили орудие в покое. Это было что-то такое, чего мы не могли понять. Казалось, эти люди сознательно совершают самоубийство...

Больше всего мы боялись не гибели, не ранения, а плена. Русские могли вести себя просто по-звериному. Как-то к нам попал молоденький русский дезертир, которого мы держали у себя в подразделении, поскольку он был интеллигентен, помогал нам и знал немало немецких слов. Короче говоря, он представлял из себя необходимую нам дополнительную пару рук. Иногда ночами он уходил на другую сторону фронта и возвращался с несколькими соотечественниками, которых ему удавалось убедить дезертировать. Как-то утром он не вернулся. Мы решили, что он просто опять присоединился к своим. Через несколько дней мы отбили у русских какую-то деревню. Посреди деревни росло дерево, где мы и наткнулись на нашего «Ивана». Кто-то хорошо

знакомый с медициной вытащил из него кишки – все до конца - и обмотал их вокруг дерева...

Отношение со стороны соотечественников

Во время моего первого отпуска в Голландии, приехав на вокзал моего родного города Лейден, я распрощался с другим голландцем, с которым я провел много времени в поезде. Он направлялся в Алкмаар, город в 65 километрах к северу от Лейдена. Несколько месяцев спустя я услышал такую историю. Когда он приехал в Алкмаар, первым делом он пошел к парикмахеру, чтобы привести себя в порядок перед тем, как встретиться с родителями. Когда он сидел в парикмахерском кресле, подпольщики разрядили автомат *Sten* ему в спину. Ну а я старался не рисковать. Если я ехал в поезде или на автобусе, я всегда опирался спиной на стену или на окно, поскольку в противном случае попутчики прожгли бы мою форму своими сигаретами или изрезали бы ее бритвой.

В тот первый отпуск я хотел повидаться с семьей голландского парня, который погиб на фронте. Поскольку его дом был неподалеку от Лейдена, я отправился туда на велосипеде. Было прохладно, и я одел свою старую мотоциклетную куртку – отличную, сделанную под мой размер черную кожаную куртку. Полагаю, я был похож на одного из этих зловеще выглядевших гестаповцев, какими их показывают в фильмах о войне.

Я проехал длинный путь, и тут мне пришлось перенести велосипед на плече по трамвайному мосту. Я прошел мост наполовину, и тут кто-то выстрелил в меня. Я бросил велосипед на землю и достал свой пистолет (обычно отправляясь в отпуск, мы брали с собой только штык, но, наслушавшись разных историй, я решил, что разумным будет взять с собой что-нибудь посерьезней). Прозвучал второй выстрел. Я не видел, кто и откуда в меня стреляет, поэтому самому мне стрелять не имело смысла. Так или иначе, больше выстрелов не последовало...

Последние дни войны

В начале апреля 1945 года вся *Junkerschule* была перемещена в район *Todnau* (Шварцвальд), чтобы принять участие в формировании дивизии *Nibelungen* (38-я гренадерская дивизия *SS*). Мне дали под начало роту военнослужащих *Фольксштурма* – мальчишки и пожилые люди, которых, в основном, обучали использованию фаустпатронов. Но эта новая дивизия так и не вступила в строй. Не было оружия, и боевой дух подразделения был очень низок. Тем не менее, я все еще искренне считал, что Германия выиграет войну. Всего через несколько дней мы отправили фольксштурмовцев домой, и дивизия *Nibelungen* развалилась...

Мы вернулись в *Bad Tölz*. Здесь мы получили приказ отыскать свои дивизии и вернуться в строй. Я служил в дивизии *Wiking*, которая в это время вела тяжелые бои в районе

города Грац (Graz). Наша попытка (я был еще с тремя голландцами в звании SS-Stardantenoberjunker) добраться до своих была сопряжена с большими опасностями. Конечно, у нас были пропуска, но путешествовать в тот момент времени было рискованным занятием. В воздухе господствовали союзники, которые стреляли по всему, что двигалось – даже по велосипедистам. Срок действия наших проездных документов быстро истек, а отряды эсэсовских маньяков – не из Waffen-SS, а из Allgemeine – носились по улицам, вешая и расстреливая тех, кого считали дезертирами. Я сам видел солдат из Waffen-SS, повешенных на деревьях и фонарных столбах.

Однако, удача была с нами, и 4-го апреля мы наткнулись на штандартенфюрера SS, который нашел нам применение. Этот офицер имел бланки приказов, подписанных лично Гиммлером. Они давали ему возможность делать все, что заблагорассудится. На протяжении последующих двух недель мы конфисковывали все возможное снаряжение у тех воинских частей, которые попадались нам на пути, и складировали его на фермах для последующего использования в партизанской войне отрядами *Werwolf*. Этот относительно безопасный период закончился 29 апреля. Штандартенфюрер переместил нас в городок Ландсхут (Landshut), где мы встретились с гауляйтером – местным нацистским лидером. Мне дали под начало группу рвущихся в бой мальчишек из Трудового Корпуса, все возрастом от 16 до 17 лет, чтобы я научил их пользоваться фаустпатронами. 1 мая в районе Eggenfelden, близ городка Фильсбюбург (Vilsbiburg), я вышел с своими парнями на опушку леса. Нам предстояло удерживать в этом месте оборонительную позицию. Вскоре мы увидели с десятков американских танков, приближающихся к нам в единой колонне вдоль узкой дороги. Мне удалось подбить головную машину, но так как я понимал, что наше положение безнадежно, я отправил всех парней искать дорогу домой. Они рыдали из-за крушения своих надежд: им так и не удалось понюхать пороху.

О Вермахте

... Полил дождь, и, как обычно бывает в России, это был настоящий потоп. Местность превратилась в море грязи, и дороги просто прекратили существование. По правилам было так: если одна дорога становилась непроходимой, рядом с ней полагалось прокладывать другую, параллельную первой. Однако, от этого не было толку. В такой грязи увязала даже машина с двумя ведущими мостами. Если ваш грузовик застревал, надо было вылезать из него и толкать машину. Люди утопали в грязи по щиколотку и даже выше. Нашему отделению – 10 парням, поместившимся в одном грузовике, чрезвычайно повезло. В сухую погоду наш водитель – бельгиец – всегда цеплялся за стены домов и деревья или, сдавая назад, утыкался в стену, но его ни разу не лишили права садиться за руль. А в дождливую погоду наш грузовик всегда пробивался вперед по любой дороге. По грязи это парень водил машину просто превосходно. Никто ни разу не пожаловался на порванные брызговики или разбитые фары, поскольку, когда ребята с других грузовиков вынуждены были толкать свои машины, мы, в основном, оставались в кузове.

Как-то наш взвод, перемещавшийся в грузовиках, получил приказ замкнуть огромную колонну. Наш командир батальона строго-настрого приказал нам не давать никому возможности обгонять нас и применять силу, если в этом возникнет необходимость. Колонна такого размера двигается медленно, и водители внимательно следят за машинами, идущими впереди и сзади. Если машина из другого подразделения обгоняет кого-то и затем поворачивает в сторону, за ней могут инстинктивно последовать другие водители. В такой ситуации колонна может просто развалиться на части!

Итак, наши грузовики продвигались вперед в ромбовидном строю. Одна машина впереди, затем еще две по обе стороны и еще одна позади. На подножке каждого грузовика стоял солдат, смотрящий назад. Если он видел кого-то, пытавшегося обогнать других, он немедленно сообщал об этом водителю, который в этом случае смещался в сторону и блокировал путь обгонявшему. Обычно эта система хорошо работала... Но как-то в поле зрения показалась штабная машина. Это был *Ситроен* с шофером и каким-то высокопоставленным офицером Вермахта. Шофер несколько раз пытался обогнать нас, и я видел, что офицер был крайне раздражен тем, что путь ему был закрыт. Затем он попытался обогнать нас еще раз на большой скорости, но я, будучи номером один пулеметного расчета, получил приказ от командира взвода выпустить очередь поперек его пути. И это сработало! Офицер пришел в неопишемую ярость, но мы просто похихотали над ним...

Мы считали ребят из Вермахта солдатами такого же калибра, что и мы сами. В нескольких случаях мы сталкивались с ними, когда они отступали с позиций, которые предстояло занять или отбить нам. Мы видели, как они отступали, в то время как сами продвигались к линии фронта на грузовиках... Но я не думаю, что когда-либо рассматривали их как слабаков или трусов. Мы никогда, по сути дела, не обсуждали солдат Вермахта. Мы знали, что нас часто бросали в бой, чтобы отбить потерянные позиции, но, к слову сказать, и нас часто выручали в трудных ситуациях части из Вермахта или Люфтваффе. Так что помощь бывала взаимной...

Что касается наших офицеров из *Waffen-SS*, мы без исключения считали их людьми, которым можно полностью доверять, и людьми, которых было за что уважать. Не было ничего необычного в ситуациях, когда офицер помогал одному из своих парней, взваливая на себя его пулемет или тяжелый патронный ящик. Они всегда были в самом пекле, а не в тылу или безопасном месте.

Отношение к вождям

Все, что я могу сказать относительно политических лидеров, - это то, что мы верили всему, что говорил Гитлер, и я верил в то, что Германия победит в войне, вплоть до марта 45-го. Я окончательно удостоверился в том, что война проиграна, когда мы услыхали о том, что Гитлер мертв. Что касается самого Гитлера, я считал его настоящим мужиком. Он был всего лишь капралом, когда получил Железный Крест 1-й степени на Первой Мировой войне. В те времена это было немалым достижением. Когда он

произносил свои речи на съездах и митингах, ему удавалось захватить аудиторию. У него была способность завести нас так, что мы верили всему, что он говорил, и пылали энтузиазмом. Все, кого я встречал, уважали Гитлера и верили ему, и сам я разделял это мнение и чувство.

О Гиммлере я могу сказать то, что он не был настоящим мужиком. Он оставлял впечатление человека, которому нельзя было доверять, и он определенно не был ярким представителем арийской расы господ ни внешне, ни по своему характеру. Мы считали, что Гиммлер выглядел слишком жалким для того, чтобы командовать *Waffen-SS* ...

Заключительное слово

Я весьма сожалею, что стал частью режима, который создал концлагеря и приказывал устраивать резню. Но я, мои товарищи и те немцы, с которыми я беседовал, ничего не знали об этом. Звучит слабым аргументом, но ведь это правда...

Во время моего последнего отпуска отец сказал мне, что верит сведениям об уничтожении евреев в концлагерях. Я сказал ему, что в *Junkerschule* в Бад-Тельц работало много заключенных из Дахау. Они были одеты в черно-голубые полосатые рубашки, трудились в качестве садовников и убирали на дорогах. Когда мы проходили мимо, они были обязаны встать в сторону и снять свои шапки, и ничего больше. Если бы кто-то из нас осмелился хотя бы тронуть одного из них, они бы имели право пожаловаться своему капо, и этот человек получил бы взыскание. Им выдавали по три сигареты в день, нам выдавали по две. Кроме того, утром они начинали работу позднее нас и не выглядели изможденными. Я должен был верить своему отцу или собственным глазам? Конечно, теперь я знаю, что все это было несусветным обманом, но в то время никто из нас не имел понятия об этом.

Советы и западные союзники объединились и победили. Все, сделанное дурным образом, все, сделанное неправильно, свалили на побежденных. Я целиком признаю, что нацистская Германия должна была исчезнуть, так как нельзя простить зверства, совершенные с одобрения правительства, которое знало обо всем. Но я помню возмущение цивилизованного мира, когда Германия бомбила Варшаву и Роттердам в начале войны – это называли дикостью. Тем не менее, всего несколько лет спустя союзники прибегли к той же практике, когда обрушили бомбы на немецкие города.

У меня нет сожалений по поводу того, что я вступил в *Waffen-SS*. Я благодарен судьбе за то, что испытал это чувство братства, и горжусь тем, что принадлежал к людям, для которых верность друг другу была незыблемой. Я помню те времена, когда каждый европеец соглашался с тем, что коммунизм является злом. Все знали о сибирских лагерях для политзаключенных и регулярных чистках, которые Сталин устраивал для тех коммунистов, которые не следовали его линии. Я верил в это тогда, верю и сейчас в то, что был прав в своих устремлениях бороться с этой системой.

По книге Gordon Williamson. Loyalty is my honour (Моя честь – верность). London, 1995

Ранее публиковалось на сайте www.iremember.ru

Рассказывает Erwin Bartmann

SS-Unterscharführer / 1-я Дивизия SS Leibstandarte Adolf Hitler

В начале пути

Я вступил в *Leibstandarte Adolf Hitler* 1 мая 1941 года. Я был берлинцем и никогда не сомневался в том, что рано или поздно буду добровольцем в этом подразделении. Я часто видел их во время парадов в городе, на охране Рейхсканцелярии и т.п. Бросались в глаза их красивая униформа, товарищеское отношение друг к другу и, кроме того, все они были очень высокими парнями, по меньшей мере, 1.82 м.

Восточный фронт – южное направление

... По мере того, как продолжалось наступление на восток, мы продвигались к Херсону, где бои шли с 19 по 22 августа 1941 года. Наш 1-й батальон атаковал деревню Znigerovka (? - ВК). Русские бежали, бросив огромное количество оружия и боеприпасов. Затем мы нацелились на Кавказ, взяв один за другим Бердянск, Мариуполь и Таганрог – последний пал 17 октября.

Продвигаясь от Мариуполя к Таганрогу, мы остановились на привал на обочине дороги. Разведчики были посланы на рекогносцировку и вскоре вернулись, заметив перемещающиеся мимо нас на запад русские части. Возможно, русские не подозревали, что мы уже прорвали оборону на их передовых позициях, или пытались обойти нас, чтобы атаковать с тыла, хотя, скорее всего, второе было маловероятным. Мы установили пулеметные точки на железнодорожной насыпи и изготовили минометы к стрельбе прямо на дороге. Последовавший за этим бой продолжался недолго. Слава Богу, мы не понесли никаких потерь, ну а русские отошли, бросив большое количество оружия и снаряжения. Наступление на Таганрог продолжилось. Мы наткнулись на аэродром, прыгнули с наших грузовиков, атаковали и захватили его, в то время как самолеты русских все еще продолжали садиться и взлетать в воздух...

Когда мы добрались до Таганрога, перед нами была поставлена задача захватить гавань, портовые сооружения, и, кроме того, радиостанцию, которая находилась на возвышенности неподалеку. Когда мы ворвались в здание, в котором была расположена радиостанция, русские уже покинули его. Они сломали антенну, и весь пол был залит ртутью из разбитого радиооборудования... Какое-то крупное судно попыталось выйти из гавани, но было потоплено огнем наших 88-мм зенитных орудий. Я до сих пор помню это судно, лежавшее полузатопленным на мелководье в 1942 году, - это было незадолго до того, как нас отвели на отдых во Францию.

Мы продолжили наступление на восток, но вскоре были остановлены и вынуждены окопаться. Мы оставались на этих позициях три недели – нас раскидали по широкому сектору фронта, поскольку оборонять приходилось обширный равнинный участок. Я со своим телефоном находился между командным пунктом и расположением 3-го взвода. Дождь шел непрерывно, и день за днем продолжались артобстрелы. Мы постоянно ждали русского наступления, но, казалось, этого уже никогда не случится. В один из дней русский снаряд разорвался рядом с моим окопчиком, разнес вдребезги мой телефон и весь мой запас ручных гранат. Оглушенный взрывом, я ничего не слышал и было подумал, что убит, но оказалось, что я просто контужен. Телефона уже не было, но я, все-таки, был жив, что имело наибольшее значение...

Наши потери постепенно росли, и все, способные воевать, оставались в строю. Боеприпасов становилось меньше и меньше, и буквально каждый выстрел был на счету. Мы сидели в наших окопчиках с примкнутыми штыками, ожидая вражеской атаки. И русские появились, но с поднятыми вверх руками – они не шли в атаку, а сдавались, крича, чтобы мы не стреляли. С них было довольно... Мы видели, как следовавшие за ними комиссары пустились наутек, начали стрелять по ним, но последние оказались проворнее.

К 17 ноября мы были готовы к тому, чтобы начать наступление на Ростов. 20 ноября, рано утром, мы двинулись вперед. Изначально мы должны были выступить в 5 утра, но туман был таким густым, что наступление перенесли на 11 часов. Сначала в путь тронулись разведчики, через 20 минут за ними последовала пехота, которую поддерживали армейские танки. Позднее все говорили, что такого наступления еще не было: обычно, когда танки останавливаются, пехота начинает окапываться, но на этот раз, когда танки остановились, натолкнувшись на противотанковые рвы, мы продолжили наступление. Грузовики с боеприпасами следовали за нами, поскольку инженерные подразделения сделали все возможное, чтобы они могли перебраться через противотанковые рвы. Уже на следующий день мы вошли в Ростов...

Однако, 2 декабря нам пришлось оставить Ростов: противник был слишком силен. У нас кончались боеприпасы и продовольствие, поскольку наше наступление было слишком стремительным, и мы оторвались от линий снабжения. У нас не было связи со штабом Армии и интендантскими частями - мы просто оказались сами по себе. Было очень холодно, у нас не было зимней одежды, а та, что была на нас, оказалась явно не по сезону. Отступление было обвальным – нам пришлось убираться восвояси как можно

быстрее. Горючее в баках наших дизельных грузовиков замерзло, и нам приходилось подавать солярку в двигатели напрямую. Один человек сидел в кабине с полной канистрой солярки, в то время как другой подливал горючее прямо в двигатель из своей кружки – это то, что нам приходилось делать всю дорогу вплоть до того момента, пока мы не добрались до своих.

Наши товарищи из Вермахта занимали оборонительные позиции: они не последовали за нами, когда мы входили в Ростов. Здесь, в промерзших окопах, мы встретили Рождество и Новый Год. Мы постарались чтобы наши блиндажи были как можно более комфортными, делая лампы из пустых консервных банок, заполненных соляркой и снабженных фитилем. В январе 1942 года мы переместились в какую-то деревню и построили себе укрытия с пулеметными гнездами в деревенских домах. По нашим меркам, условия были роскошными. Перед нашими позициями, у реки, располагались позиции стрелковой роты, разбросанной по широкому сектору обороны. К этому времени мы понесли большие потери, а пополнений не было. Помнится, каждый из нас должен был оставаться четыре часа на посту, затем следовал 4-часовой отдых. Ребятам из стрелковой роты приходилось тяжелее, поскольку им постоянно приходилось отбивать вражеские атаки. Нам часто приходилось поддерживать наших товарищей из стрелковой роты пулеметным огнем. С наступлением весны результаты нашей работы стали очевидными. Снег таял, и из-под него показались замерзшие трупы, которые быстро начали разлагаться. Вонь стояла нестерпимая, однако вскоре нас отвели с фронта и заменили полицейскими (*polizei – коллаборационистскими ? – ВК*) подразделениями. Мы были на полпути к Таганрогу, когда стало известно, что русские смяли наши оборонительные позиции, и нам пришлось возвращаться и выбивать русских с захваченных ими наших оборонительных линий. После этого русские громкоговорители на прощание пожелали нам хорошего отдыха во Франции! Так мы впервые узнали, что будем полностью сняты с фронта и отправлены во Францию на отдых и переформирование.

Под Харьковом – 1942

Мы заняли оборонительные позиции. Снег был глубоким, стоял сильный мороз. Я получил приказ взять катушку и протянуть телефонный провод к расположению соседней части. Задание было совсем простым, но по дороге я наткнулся на русских. В действительности, это был русский женский батальон. Должен сказать, было страшно... Они выпрыгивали из своих окопов, воя как ведьмы, и я уже было подумал, что мне конец, бросился бежать из всех и, в итоге, добрался до своих. Ну и повезло мне тогда! Через пару дней они атаковали наши позиции. Нам пришлось отступить и бросить наших раненых. Отбив наши окопы, мы обнаружили. Что все наши товарищи были убиты. Один из них был моим другом, который, как и я, служил телефонистом. Мы носили с собой в ранцах необходимые инструменты: отвертки, плоскогубцы и пр. Так вот, ему засунули плоскогубцы прямо в горло и задушили его. Мне пришлось собирать солдатские жетоны

погибших перед их похоронами... Кто знает, что могло бы случиться со мной. Попади я в плен к русским в тот день? Сама мысль об этом и сейчас заставляет меня содрогаться...

Под Харьковом - 1943

Я вернулся в свою часть, когда она готовилась к боям на харьковском направлении. Перейдя в наступление, мы захватили участок обороны русских в ожесточенном бою. Затем русские отбили его, но мы восстановили положение. Казалось, конца боям за это сектор фронта просто не будет. Мы брали его трижды, надеясь, что этот раз будет последним, однако русские в очередной раз захватили наши передовые посты в ночной атаке, и наши позиции опять перешли в руки противника. Нашему отделению пришлось прибегнуть к уловке, чтобы ускользнуть от русских. Мы видели, как русские приближаются к дому, в котором мы находились, и решили перехитрить их и не вступать в бой. С нами был переводчик, и он прокричал на русском приказ, после чего мы открыли окно, один за другим выпрыгнули из него и пустились бежать. Думаю, русские были немало удивлены, видя, как мы выпрыгиваем из окна один за другим и бежим мимо них. По счастью, это была всего лишь небольшая одиночная группа русских. Наши потери после всего этого оказались минимальными...

После этих событий мы начали готовиться к наступлению на Харьков. Казалось, наступление началось успешно, но все шло не так уж хорошо, и вскоре нам пришлось отступить с тяжелыми потерями: наше командование не хотело повторения Сталинграда. Наступление на Харьков возобновилось 18 февраля 1943 года и завершилось 18 марта. Дивизии *Leibstandarte* и *Das Reich* атаковали город 6 марта, и уже через два дня мы ворвались в город. Спротивление русских становилось все более ожесточенным, и нам пришлось принять участие в тяжелых уличных боях. Когда мы вошли в пригороды, я был послан в тыл, чтобы сообщить о необходимости прислать нам боеприпасы. На пути в тыл я наткнулся на разветвление дорог. Предстояло принять решение, по какой дороге идти. После некоторого раздумья я пошел по правому ответвлению, и уже через пару минут увидел группу солдат, которые не выглядели немцами. Эти парни тоже остановились. Они замахали руками, подзывая меня, и тут я удостоверился в том, что это были русские. Я тронулся в обратный путь, стараясь поскорее убраться из этого места, добрался до развилки, пошел по другому пути и, в итоге, добрался до интендантской части. Здесь я доложил фельдфебелю, что видел каких-то русских. Это вызвало немалый переполох – русские были всего лишь в нескольких километрах от расположения наших интендантских частей! Когда я вернулся в свое подразделение вечером на грузовике с боеприпасами, моя часть вела упорные уличные бои за каждый дом. Вспоминаю один квартал, который нам необходимо было очистить от русских. Мы бежали вверх по лестнице какого-то дома, и обершарфюрер был впереди меня. Я видел, как он проскочил в какую-то дверь и исчез. Когда мы подбежали ближе, дверь была закрыта, но сам он пропал без следа. Мы очистили от русских этот квартал, но так больше и не увидели нашего обершарфюрера. Скорее всего, он попал в плен к русским...

После захвата Харькова мы переместились в Olkany (?), но уже через несколько дней вернулись в город и расположились в *Soldatenheim* (временный солдатский дом отдыха – ВК), в котором мы отдохнули, отмылись от грязи и очистились от вшей. После хорошей кормежки мы получили возможность сходить в кино или в оперу. Я выбрал оперу и пошел слушать «Бориса Годунова»... Однако, наступление продолжилось, и мы начали продвигаться в направлении Белгорода. Хорошо помню один случай – как будто это было вчера. Мы были в рекогносцировочном патруле, и все шло гладко, пока мы не поднялись на какой-то холм и не увидели на вершине артиллерийское орудие русских. Однако, расчет оказался не на месте, и мы смотались до того, как он успели выстрелить по нам. Я сидел в коляске мотоцикла, который заглох в самый ненужный момент. Мы побежали к одной из наших машин, запрыгнули в нее и добрались до своих позиций вместе со всеми. Я был раздосадован, так как в коляске мотоцикла остался мой фотоаппарат, и поэтому на следующий день, когда стемнело, водитель мотоцикла, я и еще один товарищ на другом мотоцикле отправились к месту, где мы оставили нашу машину. Мы остановили мотоцикл на подъезде к тому самому холму и дальше уже шли пешком. Затем мы поползли по какой-то придорожной канаве и, в конце концов, наткнулись на наш мотоцикл. Подбравшись к нему ползком, мы сумели завести его с первой попытки. Русские, конечно, открыли огонь, но нам посчастливилось выбраться целыми и невредимыми. Мотоцикл и фотоаппарат вернулись к своим хозяевам...

Вскоре наш батальон начал продвижение вперед. Я и еще один парень были посланы на рекогносцировку. Мы остановились у стога сена, от которого открывался хороший вид на окружающую местность. Мы устроились поудобнее, но оставались начеку. Вспоминая этот момент, я теперь могу сказать, что мы вели себя довольно глупо, поскольку нас не было радиации или телефона, и у нас не было возможности связаться с нашим подразделением. Когда над нами пролетели два немецких самолета, мы вскочили и помахали летчикам руками. Они заметили нас, но почему-то решили, что мы – русские, и начали пикировать. Дважды они обстреляли нас. Мой приятель остался целым и невредимым, но я был ранен в правое бедро. Почувствовав, как теплая кровь потекла по ноге, я спустил брюки, чтобы разглядеть рану. По счастью, пуля не вошла слишком глубоко, и я сумел извлечь ее сам и сделать себе перевязку. Мы вернулись к своим и доложили командиру обстановку. Я думал, что меня отправят в госпиталь, но рану сочли недостаточной серьезной, и я остался в строю...

Курский выступ

Наступило время величайшей в истории танковой битвы. Нам предстояло атаковать на южном фланге Курского выступа бок о бок с панцергренадерской дивизией *Grossdeutschland*. Наша дивизия пошла в наступление, и когда мы пересекали небольшой перелесок, я был ранен. Снаряды взрывались над верхушками деревьев, и было столько шрапнели и осколков, что каждый второй человек был ранен. Шрапнельный осколок угодил в мое правое плечо, вошел в легкое, прошел в нескольких миллиметрах от сердца и застрял между ребер. Я частично потерял зрение и едва различал светлые и темные тона. Один

из моих товарищей, который получил легкое ранение, отвел меня на перевязочный пункт. Здесь меня перевязали, и я стал дожидаться транспорта, который отвез бы меня в госпиталь. Машина пришла, но на пути к госпиталю мы были вынуждены двигаться по дороге, которую русские видели как на ладони. Они не делали послаблений санитарным машинам, и на нас обрушился убийственный огонь, но нам удалось добраться до госпиталя. Меня вытащили из машины на плащ-палатке, растянутой в виде носилок, и уложили на солому. Пришлось ждать, потому что было много ребят, у которых были куда более тяжелые ранения. Я видел, как многие из них умирали прямо здесь, на земле. Уже ночью меня отнесли в операционную палатку и положили на стол. Мне дали какое-то малоэффективное обезболивающее средство, но так или иначе я старался оставаться в сознании. Я чувствовал, что если отключусь, то уже никогда не прииду в себя. На следующий день меня отвезли на железнодорожную станцию, где вместе со многими другими ребятами мне целый день пришлось ждать погрузки на поезд. Прошел слух, что русские прорвались... И что теперь? Мне уже доводилось видеть то, что случалось с солдатами из Waffen-SS, которые попадали в руки к русским. По счастью, все кончилось хорошо: подали состав, и нас отвезли подальше в тыл, где перегрузили на другой, более комфортабельный госпитальный поезд. В итоге я оказался в госпитале в Курске, где оставался еще неделю. Затем я опять отправился в путь через Чехословакию и Австрию в армейский госпиталь. Когда мы сошли с поезда, все, кто был в состоянии идти, отправился в госпиталь пешком, и я оказался среди этих избранных. Ну и вид был у нас, когда мы брели через этот городок!

Доктора не смогли найти в моем теле никакой шрапнели! Зная, что во мне что-то сидит, я спросил, могут ли меня отправить в госпиталь SS в Вене. После продолжительных выражений недовольства, местное начальство согласилось. В эсэсовском госпитале мне сделали рентген и обнаружили кусок шрапнели, застрявший между ребрами. Он так и сидит в моем теле по сей день...

1945-й

17 апреля мы прибыли в Лихтенберг, расположенный у проселочной дороги между Пиллграммом (Pillgram) и Маркендорфом (Markendorf). В тот же день мы заняли оборонительные позиции на опушке леса. Я командовал отделением тяжелых пулеметов. У нас было два пулемета, мы окопались и установили наше оружие так, как полагалось. Ночью было спокойно. Мы слышали гром артиллерийских орудий где-то вдалеке, в направлении на Франкфурт-на-Одере, и не могли сказать, это наша или русская артиллерия. 18 апреля мы были готовы к бою, и после полудня атаковали русских на нашем секторе фронта. Сначала вперед пошла пехота, мы следовали за ними на установленном расстоянии, - так, как нас учили. Неожиданно мы услышали гул «Сталинских Органов» (*реактивных минометов – ВК*), на нас обрушился вражеский огонь, но мы продолжили атаку. Мы уцелели, но к вечеру пришел приказ отступить на прежние оборонительные позиции. Двое наших ребят погибли в этой атаке, я сам получил легкое ранение – маленький осколок попал мне в лицо.

Следующий день прошел относительно спокойно, и мы похоронили своих убитых на лихтенбергском кладбище. После полудня русские танки появились на дороге между Франкфуртом-на-Одере и Мюллерозе (Mullrose). Мы видели привязанных к орудийным стволам немецких денщин и девочек и даже детей, так что сделать мы ничего не могли. Мы не хотели убивать своих женщин и детей. Все, что мы могли сделать – это молча смотреть, как танки противника выходят на новые позиции. Этот маневр дорого обошелся нам на следующий день.

В 02.30 ночи 20 апреля русские атаковали нас, и в этой атаке они понесли тяжелые потери. Немного позже, в 05.30 они вновь атаковали нас, на этот раз после интенсивного артобстрела. На этот раз мы не смогли удержать свои позиции: стволы наших тяжелых пулеметов перегрелись так, что дальнейшее их использование стало невозможным. Мы отступили на запасные позиции, подготовленные для нас. В 18.00 последовала новая атака русских, на этот раз при поддержке авиации и танков. Затем русские окопались напротив нас. Вечером пришел приказ выслать вперед рекогносцировочный патруль, чтобы выяснить, какие силы противостоят нам. В эту вылазку отправились я и еще двое парней.

Дела наши были плохи: командовать было некому. Наши офицеры бросили нас, и оставался только командир роты – парнишка 18-19 лет, который не имел никакого боевого опыта и только-только окончил офицерскую школу. Но худшее было впереди. 21 апреля мой командир взвода сказал мне, что наш полковой командир – оберштурмбаннфюрер Розенбуш (Rosenbusch), покончил с собой...

Мы перегруппировались и заняли линию обороны, протягивающуюся от Петерсдорфа до Бризена. В Бризене нам сказали, что на станции будет формироваться железнодорожный состав, на котором мы сможем переправиться туда, где нам найдут лучшее применение. Какое-то время мы ждали, но этот поезд так и не появился. Здесь же были несколько тысяч беженцев и множество военнослужащих различных родов войск. В конце концов, мы решили не ждать этот поезд. Пешим ходом мы вышли к автобану, где заняли оборонительные позиции вместе с другими войсковыми подразделениями. 21 апреля русские атаковали нас снова. Их поддерживали танки, штурмовая авиация и подразделения Зейдлитца (*Zeydlitz troops – в существенной мере, мифические воинские части, состоящие из бывших немецких военнопленных, согласившихся на участие в боевых действиях на стороне Советской армии – ВК*). После ожесточенных столкновений мы вновь отступили. Вскоре мое подразделение увеличилось в численности, так как к нам присоединились сражавшиеся на нашей стороне венгры. Помнится, мы шли от деревни к деревне, пытаясь найти какую-то провизию, поскольку у моих солдат остался только продукты из неприкосновенных личных запасов. Люди были голодны, а солдат не может воевать на пустой желудок. В одной из деревень мы наткнулись на штаб-квартиру какого-то генерала. Мы доложили ему о прибытии и получили горячую пищу, что резко подняло наш боевой дух. Нам также раздали хлеб и кое-какие продукты, что улучшило наше настроение еще в большей степени, после чего мы тронулись в дальнейший путь...

Возле местечка под названием Storkow мы встретили оберштурмбаннфюрера SS по фамилии Junghans, который принял нас под свою команду. Он спросил, готовы ли я и мои солдаты сопровождать его, – мы согласились и последовали за ним. С этого момента я стал его телохранителем и всюду следовал за ним. Под его началом была разношерстная часть, состоявшая из множества батальонов и рот, и он попытался воссоздать линию фронта, удерживаемую этими подразделениями. Сначала мы оказались в местах, где я когда-то прошел курс боевой подготовки, затем мы поехали в городок Шпренхаген (Spreenhagen) через Маркграфписке (Markgrafpieske). Подъехав к окраине деревни, мы увидели белые простыни на окнах, говорящие о том, что местные жители готовы к капитуляции. И в этот момент мы оказались под минометным и ружейным огнем русских. Мы продолжили движение в направлении Spreeau. Там мы обнаружили, что русские уже оккупировали этот городок и перестреляли каких-то немецких солдат. Выяснилось, что среди убитых было несколько солдат из Waffen-SS, которых выдал русским какой-то старик, живший в доме, стоявшем в стороне от других...

На следующий день, 24 апреля, наш командир с несколькими танками предпринял попытку атаковать ферму, которую за день до этого заняли русские. Он хотел захватить эту ферму, поскольку она занимала ключевое положение в линии обороны, которую он хотел создать на этом участке. Эта атака оказалась неудачной, и мы потерял нашего командира, который был ранен в этом бою. Опять мы оказались сами по себе, и пришлось отправиться дальше на запад. Вскоре мы наткнулись на колонну солдат и беженцев, которые рвались на запад, стараясь спасти свои шкуры. Пришлось следовать за ними. Мы добрались до Куммерсдорфа (Kummersdorf), где приняли бой с преследующими нас русскими. После этого боя я с небольшой группой своих товарищей из Waffen-SS оказался в бесконечной колонне военнослужащих всех родов войск и беженцев, уходивших на запад...

Мы вновь столкнулись с солдатами Зейдлитца, продираясь через какой-то лесок. Как потом выяснилось, эти части находились под командованием советских комиссаров. Затем нас атаковали русские пехотинцы. Мы двигались вдоль противопожарной просеки, и русские атаковали нас, двигаясь параллельным курсом... Солдаты Зейдлитца были одеты в немецкую форму, но были вооружены советскими автоматами. Они атаковали нас снова и снова, но, похоже, некоторые из них пытались смешаться с нашей колонной. Один из этих парней оказался рядом с нами, и мы разглядели у него на рукаве повязку с надписью *Komitee Freies Deutschland*. Какой-то офицер Вермахта заорал нам: «Где эсэсовцы? Убейте этого человека!». Лично мне это было не нужно. Мы сказали офицеру, что если он хочет кого-то расстрелять, пускай сам этим и занимается. Я сильно недолюбливал этих штабистов, и все мы в этот момент думали только об одном – как спасти свою шкуру.

Мы шли и шли в огромной людской колонне. Уже не могу припомнить, когда мы наткнулись на радиовышку в Кёнигс-Вустерхаузене (Königs Wusterhausen). Должно быть, это случилось после того, как мы вырвались из котла под названием *Halbe* (*Хальбский котел* – ВК). Перед тем, как угодить в котел, мы набрали на большой контейнер со спиртом, который опустошили, смешивая его содержимое с яблочным соком. Думаю, без

этой выпивки мы бы из котла не выбрались... Где-то на периметре котла мы вышли на дорогу, проходившу, между двух холмов. На вершине каждого из них стояло по русскому оружию. Пытаясь перебежать в паузах между выстрелами, мы все без исключения проскочили между холмами – только некоторые из нас получили легкие ранения.

Вообще, мы планировали прорваться в Берлин. Будучи берлинцем, я думал, что лучше уж быть в городе, чем посреди этого дорожного хаоса. Теперь я думаю: слава Богу, что мы так и не добрались до Берлина. Многие из моих товарищей сложили свои головы в последних боях за столицу... 28 апреля я снова встретил своего последнего ротного командира. С ним были и другие офицеры из моего бывшего подразделения. Вместе мы прошли через городки Беелитц (Beelitz), Бельциг (Belzig) и Цигар (?) (Ziegar) и добрались до городка под названием Гентин (Genthin), где остановились на ночной привал. Наутро мы начали искать способ переправиться через Эльбу. Рядом с Йерихо (?) (Jericho) мы наткнулись на полузатопленную баржу, загруженную сахаром, конфетами, шоколадом и другими деликатесами. Каждый из нас набил сладостями полную наволочку. Затем мы опять выбрались на берег и спрятались в кустах, чтобы находящиеся на другом берегу американцы не могли нас разглядеть. Вечером того же дня около 18.00 американский офицер добрался до нашего берега на пароме и, по своей собственной инициативе, попытался уговорить нас сдаться. Мы отказались и стали искать лодку, чтобы перебраться на противоположный берег.

Вечером 29 апреля в нашем расположении появилась воинская часть со штабом какого-то генерала. Они хотели было отобрать у нас лодку, чтобы спасти свои шкуры, но мы наотрез отказались отдавать ее. Появился генерал собственной персоной, чтобы конфисковать нашу лодку, но мы четко договорились друг с другом, что сначала переберемся на другой берег, а потом двое вернутся назад, чтобы спасти генерала. Итак, мы переправились и угодили прямо в расположение американской артиллерийской части. Часовых мы не увидели – все спали! Мы обошли их позиции и направились в Кёнигшлуттер (Königslutter-in-der-Elm). Оказавшись в лесу (местность в этих краях, в основном, лесистая), мы проспали в нем целый день, чтобы вновь тронуться в путь ночью. Так мы добрались до Кёнигшлуттера, где нашли пристанище в эсэсовском полевом госпитале. Я оставался в нем до 13 мая. Затем, по собственной глупости, я оказался под арестом – меня схватили немцы - бывшие заключенные одного из концлагерей. На этом моя солдатская служба и закончилась. Три года и восемь месяцев я провел в лагере для военнопленных у британцев, откуда меня освободили 24 декабря 1948 года. Будучи берлинцем, я не имел возможности вернуться домой, поэтому я добровольно остался в Великобритании, гражданином которой я стал позднее, 5 ноября 1955 года.

По книге Gordon Williamson. Loyalty is my honour (Моя честь – верность). London, 1995

Ранее публиковалось на сайте www.iremember.ru

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org